

Лобачёва Д. В.

[Г. Л. БРАЙКО - ПЕРЕВОДЧИК "ВЕРТЕРА" И. В. ГЁТЕ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/49.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 117-119. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Г. Л. БРАЙКО - ПЕРЕВОДЧИК «ВЕРТЕРА» И. В. ГЁТЕ

Лобачёва Д. В.

Томский государственный университет

Перевод Г. Л. Брайко из романа И. В. Гёте «Страдания юного Вертера» до сих пор не заслужил должного внимания исследователей. Так, в книге В. М. Жирмунского «Гёте в русской литературе» его имя отсутствует; а З. В. Житомирская в библиографическом указателе русских переводов произведений И. В. Гёте называет его «анонимным критиком» [Житомирская 1972: 193]. Брайко не упомянут и в библиографии первых переводов «Вертера» на русский язык, опубликованной в качестве дополнения к последнему изданию романа в юбилейном выпуске серии «Литературные памятники» в 1999 г.

Тем не менее, перевод Брайко занимает особое место в истории рецепции «Вертера» в России, поскольку синоптическое рассмотрение и сравнение с первым переводом романа на русский язык дает возможность сопоставить переводческие стратегии, и следовательно, точнее реконструировать горизонт ожидания читателя конца XVIII в.

Сразу после выхода в свет в 1781 г. первый перевод «Вертера», выполненный студентом Академического университета Ф. Галченковым, получил негативную оценку «Санкт-Петербургского вестника». Рецензентом журнала являлся Г. Л. Брайко. Он активно работал над переводами для издания и отличался серьезным отношением к переводческому делу. Критик не только заявил о низком качестве перевода, но и, руководствуясь установкой, что задача хорошего переводчика «стараться изобразить мысли сочинителя и сохранить простоту его выражений» [Санкт-Петербургский вестник 1781: 139], привел параллельно собственный вариант перевода соответствующих писем гетевского романа, обозначив его как «перевод журнала».

При этом оба варианта перевода были даны параллельно и не сопровождались никакими критическими комментариями со стороны рецензента, также отсутствовал и немецкий оригинал. Таким образом, российскому читателю, уповая на авторитетность журнала, только и оставалось, что сравнивать оба русских перевода, считая каждое «несовпадение» галченковского варианта с переводом журнала за ошибку первого.

Ф. Галченков. Письмо II мая 10:

Непонятная радость объемлет мое сердце; душа моя спокойна, как тихое утро весны. В уединении моем восхищаюсь жилищем, приличным моему расположению, и наслаждаюсь в нем блаженством жизни. Друг мой! Я так счастлив, так упоен сладостью моего бытия, что и знания мои забываю. Я не в состоянии ничего изобразить, ни провести ни единой черты; но никогда не был столь искусным живописцем, как теперь. Ибо когда легчайший пар покрывает веселые долины; когда солнце среди своего течения отдыхает на вершинах густо сплетенных деревьев, ограждающих меня непроницаемою тенью, пропуская оные только слабые свои лучи во внутрь моего святилища; когда возлежа на густой мураве при быстро текущем источнике, утешаюсь различием злаков, общаюсь тварям, меня окружающим, кои журчат на классах, прыгают или пресмыкаются на траве; тогда ощущаю присутствие Всемогущего, Создавшего нас; тогда исполняюсь вдохновением Предвечного, коего беспримерным милосердием движемся и живем, словом, друг мой, когда взор мой омрачается; когда небо и земля совокупно в душе моей успокаиваются, подобно как образ возлюбленной моей; тогда пришел в себя помышляю: ах! Если б ты возмог изъяснить сии приятства с таким совершенством, с такою силою, с каковою они в тебе впечатлеваются; сие было бы зеркалом души твоей, как душа твоя есть зеркало беспредельного Существа. Друг мой, но величественность сих воображений меня смущает и разит [Страсти молодого Вертера 1781: 5].

Перевод журнала (Г. Л. Брайко):

Удивительная веселость овладела всею моею душою, подобно аки сладкие весны утра, которых я всем сердцем наслаждаюсь. Я один, и веселюсь жизнью моею в сей стороне, которая для подобных душ, какова моя, сотворена. Я столь счастлив, лучший друг! столь совсем погружен в чувствование спокойного бытия, что искусство мое от того терпит. Ныне я не в состоянии рисовать, хотя никогда совершеннейший живописец не был, как в сии минуты. Когда приятная долина около меня дымится и высокое солнце покоится на поверхности непроницаемой леса моего темноты, и только некоторые его лучи вкрадываются во внутренность сего святилища, тогда я лежу в высокой траве при вниз падающем потоке, и на теле земли рассматриваю разнообразные примечания достойные травки. Когда я всем сердцем чувствую движение малого света между классами, несчетные и непостижимые виды всех червячков, мушек, и чувствую присутствие всемогущего, который в вечной благодати любовию своею нас содержит; друг мой! когда около очей моих смеркает, и свет около меня и небо в моей душе покоятся, аки вид возлюбленной, тогда я часто желаю и думаю: ах! если бы ты мог паки то изобразить, если бы ты мог в хартию то вдохнуть, что во всей своей полноте и в тебе живет, дабы оное было зеркалом твоей души, подобно аки душа твоя, есть зеркало бесконечного бога! друг мой! сие меня губит, я изнемогаю под силою величия сих явлений [Санкт-Петербургский вестник 1781: 140-144].

Первое замечание Брайко полемически касалось самого названия романа в переводе Галченкова. «Переводчик *страсти* употребил вместо *страданий*; - писал он в примечании, - правда, *страсти* в славянском языке значат то же, что *страдания*, однако в российском языке, в сем смысле, сколько кажется, сие слово не

употребляется» [Санкт-Петербургский вестник 1781: 138]. Можно предположить, что в конце XVIII в. семантическая разница между двумя этими словами в русском языке не была еще явной и однозначной. Однако Галченков не был первым, кто обратился к переводу названия романа Гете; он мог воспользоваться найденным О. Козодавлевым словом «страдания» с его секулярными коннотациями. В этом смысле выбранное Галченковым (возможно, и неосознанно) слово «страсти» стирало различие между понятиями «die Leiden», употребленным Гете, и «das Leiden», употребляемым по отношению к Христу, усиливая христологические коннотации образа Вертера и делая их эксплицитными.

Несмотря на старания Галченкова, ему не всегда удается отразить концептуальные особенности оригинала. Так, глагол «leiden» (страдать) он заменяет на «забывать»: «<...> meine Kunst darunter leidet» (мое искусство от этого страдает), - при этом мысль фразы заметно искажается в его переводе: «знания мои забываю». Принципиальная важность точного перевода заметна здесь, с одной стороны, с тем, что глагол «leiden» (страдать) выступает в символично-смысловой оппозиции «страдание» - «счастье», которая проходит через весь роман, с другой стороны, в нем сливаются мирская и духовная области, что является характерной чертой пиетизма и, как следствие этого, индивидуального стиля Вертера. В своем переводе Брайко сохраняет и характерную стилистическую особенность гётевского романа - комплекс условных сложноподчиненных и сложносочиненных предложений (Wenn-Periode), являющихся выражением стремительного усиления интенсивности чувств героя и его эмоционального напряжения. В придаточных предложениях отражаются наблюдения Вертера над явлениями окружающей действительности, его размышления и философские раздумья, а в главном предложении («dann sehne ich mich oft und denke <...>» / тогда я часто тоскую и думаю <...>) определяется собственная точка зрения героя и выражается его умозаключение, резюме [Фомина 1972: 12]. У него Вертер, переполненный чувством божественной гармонии всего окружающего мира (о чем и свидетельствует длинный ряд неоднородных второстепенных предложений с повторяющимися союзами «когда» и «и»), ощущает себя одной из его органичных частей и приходит к выводу о невозможности «вдохнуть» свои чувства в лист бумаги. Галченков разбивает синтаксический комплекс на две части, в результате чего сдвигаются и смысловые акценты: герой чувствует свою неспособность «изъяснить сии приятства» только тогда, «когда небо и земля совокупно в душе <...> успокаиваются, подобно как образ возлюбленной».

В отличие от Галченкова, который часто не улавливает смысловых оттенков подлинника, Брайко с большей тщательностью подбирает словесные эквиваленты. Так, например, выражение «näher an der Erde» (близко на земле / к земле) он удачно переводит метафорой «на теле земли», подчеркивая тем самым единство всего животного и природного мира. Вместе с тем перевод Брайко характеризуется частым использованием славянизмов: «аки» в сравнительном значении «как», «паки» в значении «опять, еще» [Даль 1994: 14], «хартия» в значении «бумага», «зерцало» в значении «зеркало». Это придает переводному тексту архаистический оттенок литературного языка начала XVIII в. Слог гётевского романа, напротив, даже в самых пафосных речах Вертера передает живую речь, вовлекает в ритмику взволнованного лирического повествования.

В своем переводе Галченков приводит также лишь небольшой отрывок из песен Оссиана, которые, по замечанию Брайко, он «в рассуждениях их трудности», сократил до нескольких строк. Брайко восстановил начало этой цитаты в своем переводе. Данный отрывок из песен Оссиана впервые появился в России именно в составе романа о Вертере и затем интерпретировался в его контексте [Левин 1980: 18-23]. Здесь, как и в двух ранее приведенных письмах Вертера, Брайко стремится к точной передаче немецкого оригинала: он сохраняет повтор притяжательного местоимения «твой» («твою главу» / «твоего облака» / «твоему холму») в следующих друг за другом предложениях, который отражает стилистическую манеру гётевского героя.

Однако Брайко не всегда последователен в своих переводческих решениях. Например, он добавляет эпитеты в тех местах, где в оригинале они отсутствуют: «бесплодную степь» («die Heide»), «небесные волны» («die Wellen»). Иногда он допускает неточности: ошибается в управлении немецких глаголов, заменяет строчные буквы на прописные, и наоборот.

Несмотря на подмеченные Брайко недостатки в переводе Галченкова, он не только не был откорректирован и переработан, но в 1794 г. без изменений вышел вторым изданием. Этот факт свидетельствует об авторитетности академических изданий и общей «адаптирующей» стратегии переводов конца XVIII в.

Для историков литературы и критиков перевода представленный Брайко прецедент синоптического рассмотрения двух вариантов перевода при отсутствии оригинала указывает на смещении акцента с дихотомии «исходный текст / переводной текст» на отношения «перевод / принимающая культура» и подчеркивает важность изучения той роли, которую переводной текст начинает играть, вводя новые вариации в принимающую культуру.

Список использованной литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - М., 1994.
2. Житомирская З. В. Иоганн Вольфганг Гете. Библиографический указатель русских переводов и литературы на русском языке. 1780-1971. - М., 1972.
3. Известия о новых книгах: страсти молодого Вертера // Санкт-Петербургский вестник. - 1781. - Ч. 7.
4. Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе: Конец XVIII - первая треть XIX века. - Л., 1980.
5. Страсти молодого Вертера / Пер. с немецкого. - СПб.: Имп. акад. наук, 1781. - Ч. 1-2.

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В УСЛОВИЯХ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Логачёва М. И., Синяева Т. Г.

Поволжская государственная академия телекоммуникаций и информатики, г. Самара

В реальных условиях устной коммуникации паралингвистические средства оказывают на коммуниканта комбинированное воздействие, которое зачастую невозможно передать средствами письменного языка. Пояснительные слова и фразы способны лишь приблизительно отразить описываемую реальность.

Вокалистические средства не могут считаться адекватными, если они не подкрепляются комплексом паралингвистических средств. Можно согласиться, что известные примеры произнесения тех или иных фрагментов, иллюстрирующих негодование, заинтересованность и другие проявления чувств говорящего - на самом деле иллюстрируют лишь реализуемые модификации, и, естественно, далеки от реальности. Лишь в сочетании с другими, в том числе просодическими средствами можно добиться большей адекватности.

Необходимо вспомнить, что в каждом социокоммуникативном сообществе в определенный исторический период действуют определенные нормы, санкционирующие принятые паралингвистические реализации. Члены сообщества интуитивно придерживаются «нормальных» высоты тона, уровня громкости, качества голоса. Для уверенного владения разговорной речью в естественных для нее условиях знания подобных норм слушателями необходимы. Здесь же уместно отметить одну особенность нормативности паралингвистических средств - это соотношение аксиологической нормы с нормами идиосинкратическими, т.е. присутствующим говорящим индивидуумам. Необходимо четко различать эти нормы речи и учитывать их взаимодействие при анализе разговорной речи.

Многие лингвисты считают, что к вокалистическим супraseгментным средствам относятся, прежде всего, темп речи, уровень громкости, тембр, паузация, четкость произношения.

Многие полагают, что темп речи не является решающим фактором, обуславливающим фонетические различия. К тому же однозначная трактовка понятия темпа речи, к сожалению, отсутствует, при этом используются различные единицы измерения среднего темпа речи: количество тактов в секунду, слогов в минуту, звуков в секунду и т.п.

Но дело в том, что темп речи обычно неравномерен, т.е. импульсивен и часто деформирован под влиянием стремления говорящего как можно быстрее высказать главную мысль. Однако присутствуют и паузы (для обдумывания). Все это приводит к нарушению темпо-ритмической структуры высказывания в целом, не говоря уже об индивидуальных особенностях говорящих. Конечно, среди индивидуумов встречаются «прирожденные ораторы», показатели речи которых приближаются к регламентированной речи, но даже в этом случае проявляется «изосинхронность», из-за которой темп речи то замедляется, то возрастает.

Трудности в понимании иноязычной речи носителями языка в значительной мере вызывается нечеткой артикуляцией из-за определенной релаксации органов речи, что типично для ситуаций неформального общения. Фактором, усугубляющим эти трудности, является именно темп речи. При этом имеется в виду не просто реальная «скорость речи», т.е. количество слов в единицу времени, но и такой коррелянт темпа, как определенный набор лексико-грамматических компрессивов, позволяющих обмениваться большим объемом информации в единицу времени по сравнению с речевым обменом в нормальном темпе без использования подобных единиц. Примером подобных компрессивов в английском языке являются: *graps* (perhaps); *probly* (probably); *'cose* (because); *'bout* (about); *gonna, wanna* (going to, want to) и т.п. Использование большей части этих и подобных компрессивов не нарушает произносительных норм RP (received pronunciation) при непринужденном общении, однако их следует избегать в ситуациях, требующих отчетливого произношения.

Заметное ускорение темпа речи, почти неизбежно ведущее к артикуляционной компрессии высказывания, при котором фраза может модифицироваться, свидетельствует о состоянии возбуждения, торопливости, а подчеркнута небрежная артикуляция - об отсутствии у говорящего интереса к предмету разговора.

К вокальным невербальным супraseгментным средствам выражения в реальном общении добавляются и другие паралингвистические компоненты. Например, громко произнесенная фраза, сопровождаемая жестом, может придать фразе совершенно другой оттенок.

Некоторые из рассмотренных выше фонетических особенностей разговорной речи нашли свое подтверждение в ряде исследований фонетистов английского языка. Так, А. Багмут подчеркивает, что «спонтанная речь рассматривается как состоящая из блоков, имеющих определенную просодическую структуру и характеризующихся семантической неполнотой. Блоковый характер спонтанной речи позволяет говорящему строить речевой поток как непрерывную семантическую цепь. Блок спонтанного текста не полностью коррелирует с синтагмой. Паузальное вычленение блока создает его четкие акустические границы».

Лингвисты единодушны относительно необходимости безусловной дифференциации идентичных пар речевых произведений в тех случаях, когда один из членов пары реализуется спонтанно, другой зачитывается по записи. Экспериментально доказано, что спонтанное высказывание реализованное графически, т.е. лишенное интонации, часто воспринимается как непоследовательное и бессмысленное даже самим говорящим.